

УДК 81-133
ББК 83.3(2)6

Л.М. Каппушева

**ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ
ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ
ОППОЗИЦИИ
«ИСТИНА / ЛОЖЬ»
В ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ
ТЕКСТЕ М.М. РОЩИНА
В СВЕТЕ ТЕОРИИ
ГОЛОГРАФИЧЕСКОГО
МОДЕЛИРОВАНИЯ**

Статья посвящена осмыслению основных особенностей вербализации базовой онтологической оппозиции «истина/ложь» в драматургическом тексте М.М. Рощина. В ней выявляется голографическая природа языковой организации его произведений, что и предопределяет необходимость поиска новой стратегии исследования. В качестве подобного алгоритма предлагается метод семантической дифракции, основные положения которого формулируются и проходят апробацию на имеющемся языковом материале.

Исследование адресовано лингвистам, занимающимся вопросами изучения языка советской драматургии послевоенной эпохи, а также семантики художественного текста позднеклассической рациональности.

Ключевые слова: *онтологическая оппозиция «истина/ложь», голографическое моделирование, метод семантической дифракции.*

DOI 10.23683/1995-0640-2019-2-75-83

Каппушева Лейла Магометовна – аспирант кафедры русского языка факультета филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Северо-Кавказского федерального университета
Тел.: 8-962-455-44-29
E-mail: leyla-kappusheva@mail.ru

© Каппушева Л.М., 2019.

Жизнь и творчество М.М. Рощина (1933 – 2010) выпадает на один из самых сложных и противоречивых периодов нашей истории, охватывающий годы Великой Отечественной войны, советскую послевоенную эпоху и первые постсоветские десятилетия. Мало кто из великих его современников, включая знаменитых шестидесятников, доживает до начала 2000-х, а тем более предпринимает попытку дать объективную оценку произошедшей смене жизненного уклада. Во многом именно этим и определяется уникальность художественного наследия М.М. Рощина, которое по праву можно считать энциклопедией Новейшего времени. Однако главной составляющей творческого метода художника всё же является имманентное переживание пресловутой советской идеи и всего трагизма существования в порождённой ею модели мира «нормального» человека.

Актуальность исследования заключается в необходимости осмысления основных закономерностей внутреннего разрушения идеологического канона в пьесах одного из самых сложных и вместе с тем не оппозиционных власти драматургов второй половины XX в. Именно М.М. Рощину в полной мере удаётся путём внешнего соблюдения требований навязываемого дискурса осуществить его безапелляционную нейтрализацию в воссоздаваемой художественной реальности, фактически превратив главный идеал эпохи в простую условность своего времени. Все герои драматурга независимо от отведённого им пространства, будь то обычная совет-

ская квартира («Старый новый год», «Валентин и Валентина») или американский ресторан («Галоши счастья»), являются носителями свободного духа, которым, по сути, и определяются их напряжённые поиски своей подлинной сущности. Подобное высвобождение художественного сознания из-под давления господствующей идеологии во многом и достигается посредством её верификации, на языковом уровне производимой с помощью повторного означивания базовой онтологической оппозиции «истина/ложь», которая, по меткому утверждению Ю.И. Левина, в советской ритуализованной речи совершенно не случайно «замещается оппозицией «правильно/неправильно»» [Левин, 1998, с. 662].

Цель данного исследования – выявление основных особенностей вербализации антиномии «истина/ложь» в драматургическом тексте М.М. Рощина, по сути и выступающей одним из важнейших механизмов осуществляемой автором деидеологизации языка. Для достижения этой цели были поставлены и решены следующие задачи:

- установление специфики языковой организации драматических произведений художника;
- полная реконструкция процедуры вторичного семиозиса ключевых слов, служащего главным инструментом блокирования официальной стратегии языкового поведения;
- целостный лингвистический анализ окказионального значения языковых единиц «истина», «ложь», дающего ключ к подлинному осмыслению выстраиваемого автором когнитивно-ментального пространства.

Проведённое исследование показало, что базовым принципом языковой организации драматургического текста М.М. Рощина является голографический, согласно которому «любая малая часть голограммы содержит информацию обо всем объекте-оригинале и, следовательно, может восстановить ее» [Прибрам, 1975, с. 81]. Это обнаруживается прежде всего в том, что рассматриваемое как единое целое всё драматическое наследие автора представляет собой живой мультимодальный гипертекст, т.е. «динамическую (самоорганизующуюся) функциональную систему, которая в процессах познания и коммуникации служит внутренним контекстом, позволяющим находить опоры для разделяемого с другими людьми знания на уровне достаточного семиозиса» [Залевская, 2014, с. 141]. Его важнейшие когнитивно-лингвистические параметры (нелинейность построения и задействованность различных модулей восприятия) приводят к актуализации в нём отношений совершенно иного типа, делающих возможным запуск качественно новой стратегии прочтения. Иными словами, осуществлённая здесь замена системных связей на ассоциативные способствует тому, что читатель/зритель отсылается уже не к корпусу речевых практик власти, а к амбивалентному языковому сознанию «нормального» советского человека, который «хотя и участвует в формировании и воспроизводстве официального идеологического дискурса – но делает это в основном на уровне

формы высказываний, одновременно наделяя их новыми, неожиданными смыслами» [Юрчак, 2014, с. 16].

Подобный семиотический сдвиг становится возможным лишь благодаря голографической природе семантики ключевых слов, обусловленной значительной информационной избыточностью их плана содержания. Это обеспечивается множеством контекстов употребления одних и тех же языковых единиц, в каждом из которых скрывается отдельная пропозиция, всегда готовая к самостоятельному и полноценному развёртыванию, часто неожиданно осуществляемому в каком-либо фрагменте: «Тезей. *Ложь принимает образ Истины... Да, вот в чем правда...*» (Роцин, 2007, т. 1, с. 471; далее в примерах указаны только том и страницы); Полурлов. *Да нет, Гоша, все правильно! Но что бы пораньше начать, а? А мы – то жениться, то дети, то квартиру надо, а наука, а истина?*» (т. 2, с. 487); «Валя. *Пока вас обманывали, все было хорошо, ложь вас устраивала, а от правды вам страшно!*» (т. 1, с. 427).

В результате возникают своего рода ссылки, переход по которым открывает целый конгломерат новых смысловых оттенков, значительно отличающихся от релевантных узуальных истолкований. Если бы не дань требованиям избранного автором рода литературы, наиболее адекватным способом развёртывания его художественного сознания, несомненно, стал бы язык разметки html, позволяющий в полной мере отразить всю огромную сеть значимых связей вербального и невербального знания, актуализируемых им в своих произведениях.

В связи с вышеизложенным исследование языка пьес М.М. Роцина видится нам возможным только в контексте такой формирующейся на глазах отрасли лингвистики, как семантическая голография, у истоков которой стоят В.Л. Эпштейн, А.А. Залевская, С.В. Пискунова, В.М. Швецова и др. И хотя в их работах была блестяще вскрыта сущность голографического моделирования как «процесса, осуществляемого в результате порождения и восприятия потенциала языковых единиц в сознании участников общения через систему знаков» [Швецова, 2015, с. 17], а также описана сама типология функционирующих в нём структурных элементов, успешно апробированная на материале творчества современных писателей, универсальной стратегии анализа так и не появилось. Опираясь на данные, полученные в ходе проведённого исследования, мы предлагаем считать ею метод семантической дифракции, суть которого определяется следующими положениями.

Во-первых, план содержания нелинейно организованного текста состоит из взаимно пересекающихся и послойно накладываемых друг на друга голограмм, которые различаются по целому ряду критериев:

– по степени семантической продуктивности их целесообразно разделить на экстенсионные (основанные на простом расширении значения ядерной единицы), инновационные (в ходе текстовой реализации получившие совершенно новое истолкование), оппозиционные (дошедшие в своём развитии до актуализации значения, совершенно против-

положного первичному) и смешанные (сочетающие в себе одновременно несколько типов описанных истолкований);

– по структуре отчётливо разграничиваются простые и сложные голографические модели, что осуществляется относительно количества выявляемых в них семантических слоёв. Иначе говоря, простыми называются голограммы, чья семантика возникает на основе взаимодействия базового словарного истолкования как ядерного компонента, так и самих стимуляторов, характеризуясь таким образом одноплановостью. Сложными же являются голограммы, своеобразие которых определяется многомерностью. Это становится возможным благодаря тому, что некоторые из их стимуляторов образуют самостоятельные голограммы, особым взаимодействием которых и задаётся текстовая реализация ядра;

– по выполняемой в тексте функции все встречающиеся в нём голографические модели подразделяются на символические, предназначенные для вербализации простого одномерного образа, идеационные (от слова «идеация»), возникающие вокруг сложных, концептуально значимых для всего речетворческого произведения явлений. Если ядром первых могут быть совершенно любые по своим лексико-семантическим параметрам языковые единицы, то центром вторых, как правило, являются так называемые ключевые слова, которые выступают наиболее важными и показательными для отдельно взятой культуры» [Вежбицкая, 2001, с. 34] или картины мира самого автора.

Во-вторых, процедура реконструкции семантической голограммы имеет свой алгоритм, включающий такие пункты, как определение ядерных и периферийных компонентов выстраиваемой модели, установление её типологической принадлежности, выведение целостного комплекса реализуемых значений на основе сопоставления узуальных и окказиональных истолкований всех структурообразующих элементов.

При этом необходимо учитывать, что в роли ядра в данном случае выступает наиболее семантически значимая, контекстуально обусловленная и концептуально нагруженная языковая единица, а стимуляторами являются находящиеся в положении семантической зависимости компоненты, которые используются для конкретизации определённого оттенка значения.

В-третьих, в основе термина «семантическая дифракция», предлагаемого нами для наименования описываемого метода, лежит метафора, восходящая к физическому явлению «огибания волнами препятствий, встречающихся на их пути, или в более широком смысле – любого отклонения от законов геометрической оптики при распространении волн» [Физика, 2014, с. 138]. По сути именно благодаря дифракционной способности света, под определённым углом направляемого на фотоплёнку, становится возможным получение голографического изображения объекта. Следовательно, если в качестве подобной оптической поверхности рассматривать семантику отдельно взятого текста, роль такого рода дифрагирующих волн и будет выполнять смысл, прямое ус-

мотрение сущности которого, по мнению Г.И. Богина, является «первейшей техникой всякой филологической работы» [Богин, 2001, с. 60].

Поэтому намеченный алгоритм представляется на сегодня наиболее оптимальным способом анализа содержательной стороны текстовых единиц, который и оказывается залогом формирования релевантного понимания всего живого мультимодального гипертекста в целом.

Таким образом, применение данного метода позволило нам выявить все основные особенности вербализации базовой онтологической оппозиции «истина/ложь» в драматургическом тексте М.М. Рощина, что было осуществлено исходя из комплекса следующих контекстов её употребления, наибольшее количество которых зафиксировано в пьесе «Седьмой подвиг Геракла», по свидетельству самого автора, посвящённой осмыслению именно этого аспекта действительности:

«Я придумал вылить все свое тогдашнее мироощущение в новой форме: сочинилась пьеса резкая, смешная, сатирическая – «Седьмой подвиг Геракла» – о том, как Геракл пришел в страну Авгия чистить его конюшни, из-за которых вся страна заросла и провоняла дерьмом лжи» [Рощин, 2007, т. 5, с. 440].

К числу наиболее значимых из них относятся следующие: «А т а . Давно-давно в одной прекрасной стране люди поклонялись Истине. У них не было других богов. И жили они в мире и любви. Так вот, все было прекрасно, пока на эту страну не напали дикие кочевники и не стали грабить и убивать направо и налево. Люди, долго жившие тихо и мирно, разучились владеть оружием и не могли защитить себя. Кроме того, они полагались на Истину, на свою богиню. Богиня молчала. С нею довольно часто это происходит: когда надо кричать, она молчит...» (т. 1, с. 478); «А т а . И вот семеро юношей пошли искать Истину... ведь это не так просто: отыскать правду...» (т. 1, с. 478); «А т а . Опять я не стану описывать эту прекрасную долину, полную цветов и тишины, и этот дворец, какого еще не видели глаза человека... Юноша, собрав последние силы, вступил в него, в этот дворец. Так вот, все было прекрасно, но пусто. Идет он дальше. Все дальше и дальше, и замечает, что комнаты-то, между прочим, становятся поуже и похуже. Так тоже бывает: чем глубже в правду...» (т. 1, с. 478);

«А т а . Наконец он оказывается в какой-то вонючей каморке, и там еще ход внизу, в подземелье... И вот он спускается туда и видит: во тьме, в зловонии, среди жаб и змей, приковано к стене цепями омерзительное, лохматое, жалкое чудовище... И вот он со слезами спрашивает: “Кто ты?” И эта образина говорит ему: “Я Истина”. Он упал и заплакал. И долго плакал, потому что это действительно была Истина» (т. 1, с. 479); «А т а . И вот юноша спрашивает тогда: “Но как же мне быть, как же мне возвращаться к людям, что я им скажу, как я могу им сказать, какая ты и где ты находишься?”... И вот тогда она сказала. Знаешь, что она ему сказала?. А ты, говорит, солги им» (т. 1, с. 478 – 479).

Как видно, данные контекстуальные употребления анализируемых языковых единиц оказываются связанными между собой по гологра-

фическому принципу, так как в них вербализуется единая сеть взаимно пересекающихся голограмм, актуализирующих целую систему завуалированных, но от этого не менее значимых идейно-смысловых связей. Ядром наиболее прагматически значимой из них является лексема «истина», представленная в Словаре русского языка (МАС) следующей дефиницией: «1. То, что соответствует действительности, действительное положение вещей; правда. || Подлинность, правдивость. || Нравственный идеал, справедливость, добро. 2. Филос. Верное отражение объективной действительности в сознании человека. 3. Положение, утверждение, суждение, установленное наукой, проверенное практикой, опытом» [МАС].

Ключевыми компонентами зафиксированных в нём значений выступают семы «действительное положение вещей», «правда», «нравственный идеал», «верное отражение действительности», «положение, установленное наукой» и др. Они задают базовый спектр допустимых семантических оттенков, обеспечивающих понимание истины как явления, существующего в самой реальности и способного стать достоянием одновременно сознания отдельной личности и знания, разделяемого целым сообществом.

Данное узуальное истолкование в драматургическом тексте М.М. Рощина подвергается значительному преобразованию, осуществляемому с помощью таких основных стимуляторов, как «богиня», «правда», «чудовище», «образина», «солги» и т.д. Главными семантическими компонентами их словарных истолкований являются следующие: 'верховное существо', 'сотворившее мир', 'управляющее им', 'поклонение', 'уважение', 'восхищение', 'соответствовать действительности', 'правдивость', 'справедливость', 'правильность', 'мораль', 'этика', 'фантастическое существо', 'странный уродливый внешний вид', 'человек или животное', 'крайне отрицательный, отталкивающие моральные качества', 'безобразное лицо', 'ложь' и т.д. На основании их взаимодействия и возникает новая, полисемичная по своей сущности, контекстуально обусловленная дефиниция, своеобразии которой определяется уникальностью и динамизмом. Ядром первого из последовательно образующих её окказиональных значений выступает слово «богиня», чья семантика в свою очередь несколько усложняется посредством таких стимуляторов второго порядка, как «поклонялись», «надо кричать», «молчит», «прекрасная страна», «мир», «любовь», «разучились владеть оружием» и др. Все они используются в своих основных словарных употреблениях, что приводит к реализации такого инновационного по типологической принадлежности истолкования центральной голографической единицы, как *«истина – безмолвное божественное существо женского пола, сотворившее прекрасную страну, в которой люди живут в любви и мире, но оказываются неспособными защитить себя от нападения»*. Второе окказиональное значение формируется вокруг слова «правда», семантика которого также несколько преобразуется с помощью стимуляторов второго порядка: «не так-то просто», «отыскать», «поуже», «похуже»,

«глубже» и т.д. на основании их словарных употреблений реконструируется следующее экстензионное истолкование исследуемой лексемы: *«истина – правда, которую нелегко отыскать и которая имеет неопределённую глубину, иногда скрывающую в себе что-то плохое»*. Его основополагающей особенностью становится метафоризация, проявляющаяся в уподоблении правды своего рода водной стихии, в недрах которой может таиться всё, что угодно. Ядерными компонентами третьего окказионального истолкования являются слова «чудовище» и «образина», текстовая реализация семантики которых осуществляется посредством стимуляторов: «хуже», «темнее», «вонючая коморка», «омерзительное», «лохматое», «жалкое», «говорит», «сказала» и т.д. Благодаря взаимодействию их основных словарных употреблений возникает следующее инновационное значение идентифицируемой голографической единицы: *«истина – необычайное существо отталкивающего, устрашающего вида, обладающее даром речи и живущее в отвратительной неволе»*. Четвёртое окказиональное истолкование формируется вокруг словоформы «солги», лексикографическое описание которой отсылает носителя языка к семемам таких языковых единиц, как «ложь», «обман» и др.: ключевыми компонентами их значений являются следующие: 'неправда', 'намеренное искажение истины', 'выдумка', 'вымысел', 'неправильное, мнимое представление' и т.д. это приводит к актуализации оппозиционного истолкования центральной голографической единицы: «истина – существо, которое лжёт». Лежащий в его основе оксюморон приводит к вербализации ощущения парадоксальности, наделяемого здесь статусом главного вектора семантизации.

Ключевыми компонентами значения в выведенном таким образом комплексе окказиональных истолкований являются следующие семы: 'божественность', 'одушевлённость', 'женскость', 'способность говорить', 'неожиданность', 'глубина' и т.д. На основании их взаимодействия возникает сложный образ некоего антропоморфного существа с непредсказуемым характером, которое выступает носителем подлинно глубокого знания о действительности. Реконструированная таким образом голографическая модель является смешанной по своей семантической продуктивности, сложной по структуре и идеационной по выполняемой функции, так как посредством взаимодействия всех возможных типов истолкований, в том числе и образующих самостоятельные голограммы, в ней осуществляется вербализация значимой для всего творчества драматурга семантической пропозиции: *«ложь утверждает, что истина лжёт»*. Это приводит к установлению системы легко улавливаемых параллелей между основанным на лжи государственным устройством Элиды и жизненным укладом советского общества, по-видимому, в полной мере релевантной изначальному замыслу автора: «Официальная, бронированная, тотальная ложь, подобно Кощею, сожрала все живое вокруг и свежее и продолжала жрать...» [Роцин, 2007, т. 5, с. 418].

Подводя итоги, отметим, что использование таких средств языкового воплощения базовой онтологической оппозиции «истина/ложь»

в драматургическом тексте М.М. Рощина, как расширение, обновление и антиномизация значения её компонентов, выявленное с помощью метода семантической дифракции, в конце концов приводит к установлению отношений полной эквивалентности между обозначаемыми ими абсолютно противоположными понятиями, что непреодолимо разоблачает весь беспрецедентно-парадоксальный характер сложившейся языковой реальности, зависшей в состоянии семиологической амбивалентности.

Литература

Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. М.: Психология и Бизнес Онлайн, 2001. 758 с.

Залевская А.А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова. М.: Директ-Медиа, 2014. 328 с.

Левин Ю.И. Истина в дискурсе // Левин Ю.И. Избр. тр.: поэтика, семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 645 – 676.

Платунов Е.С., Самолётов В.А. [и др.]. Физика: словарь-справочник. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2014. 798 с.

Прибрам К. Языки мозга. Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии / пер. с англ. Я.Н. Даниловой и Е.Д. Хомской. М.: Прогресс, 1975. 246 с.

Рощин М.М. Очерки, статьи // Полн. собр. соч.: в 5 т. Т. 5. М.: ООО «Издательская группа “Жизнь”», 2007. С. 411 – 451.

Рощин М.М. Седьмой подвиг Геракла // Полн. собр. соч.: в 5 т. Т. 1. М.: ООО Издательская группа “Жизнь”», 2007. С. 439-497.

Рощин М.М. Старый новый год // Полн. собр. соч.: в 5 т. Т. 2. М.: ООО Издательская группа “Жизнь”», 2007. С. 433 – 511.

Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой: в 4 т. М.: Русский язык, 1999.

Швецова В.М. Голографические модели семантики слова в художественном тексте. Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. ун-та, 2015. 497 с.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛЮ, 2014. 624 с.

References

Bogin G.I. *Obretneniye sposobnosti ponimat`*: *Vvedeniye v filologicheskuyu germenevtiku*, M.: Psikhologiya i Biznes Onlayn, 2001. 758 p. (In Russian).

Zalevskaya A.A. *Chto tam – za slovom? Voprosy` interfeysnoy teorii znacheniya slova*, M.: Direkt-Media, 2014. 328 p. (In Russian).

Levin Yu.I. Istina v diskurse, *Levin Yu.I., Izbrannyye trudy: poehtika, semiotika*, M.: Yazyki russkoy kul`tury`, 1998. Pp. 645-676. (In Russian).

Platunov E.S., Samolyotov V.A. i dr. *Fizika. Slovar`-spravochnik. SPb: Izd-vo Politekhnicheskogo un-ta*, 2014. 798 p. (In Russian).

Pribram K. *Yazyki mozga. Ekhksperimental`nyye paradoksy` i printsipy` neyropsikhologii*. Per. s angl. Ya.N. Danilovoy i E.D. Khomskoy. M.: Progress, 1975. 246 p. (In Russian).

Roshchin M.M. Ocherki, stat`i, *Roshchin M.M. Poln. sobr. soch. v 5 t. T. 5*. M.: ООО «Izdatel`skaya gruppa “Zhizn`”», 2007. Pp. 411-451. (In Russian).

Roshchin M.M. Sed` moy podvig Gerakla, *Roshchin M.M. Poln. sobr. soch. v 5 t. T. 1*. M.: ООО Izdatel`skaya gruppa “Zhizn`”», 2007. Pp. 439-497. (In Russian).

Roshchin M.M. Staryy novyy god, *Roshchin M.M. Poln. sobr. soch. V 5 t. T. 2.* M.: OOO Izdatel'skaya gruppya "Zhizn'"», 2007. Pp. 433-511. (In Russian).

Slovar` russkogo yazyka, pod red. A.P. Evgen`evoy: v 4 t. M.: Russkiy yazyk, 1999. (In Russian).

Shvetsova V.M. *Golograficheskiye modeli semantiki slova v khudozhestvennom tekste.* Tambov: Izd-vo Tambovskogo gos. un-ta, 2015. 497 p. (In Russian).

Yurchak A. *Ehto bylo navsegda, poka ne konchilos`.* *Posledneye sovetskoye pokoleniye.* M.: NLO, 2014. 624 p. (In Russian).

Leyla M. Kappusheva (Stavropol, Russian Federation)

Language Embodiment of Ontological Opposition "Truth/Lie" in Dramatic Text by M.M. Roschin in the Context of Holographic Modeling

The article is devoted to understanding the main features of the verbalization of the basic ontological opposition "truth/false" in the dramatic text by M.M. Roschin. It reveals the holographic nature of the language organization of his works, which predetermines the need to find a new research strategy. As a similar algorithm, a method of semantic diffraction is proposed, the main provisions of which are formulated and tested on the existing language material.

The study is addressed to linguists dealing with the study of the language of the Soviet drama of the post-war era, as well as the semantics of the artistic text of late classical rationality.

Key words: *ontological opposition "truth / false", holographic modeling, semantic diffraction method.*

Leyla M. Kappusheva – post-graduate student. Department of the Russian Language. North Caucasus Federal University. Phone: 8-962-455-44-29, e-mail: leyla-kappusheva@mail.ru